

Иван Привалов

Иван Иванович Привалов – г. Калининград. Член Союза писателей Луганской Народной Республики. Автор повестей и сборников рассказов о жителях Калининградской области: «Следы на песке», «Самый западный день», «Хроника опалённых вёрст», «Неизвестный капитан», «Тоннель под Преголей», «Звёзды, рождённые горами» и др. Выполнял служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований на территории Северного Кавказа. Награждён орденом Мужества, медалью «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством». Владелец Серебряного пера Руси в военно-патриотической номинации Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2018).

ДОРОГА

Рассказ

Эта поездка задумывалась давно.

Уже выбрали имя.

Пашка.

Уже звали по имени.

Павел.

А он прислушивался к голосам и из животика радостно бился ногами. Наверное, смеялся и хулиганил в ожидании встречи.

Родился.

Закричал в мир Павел свет Иванович.

Сын!

И с первых дней вопрос: когда и где крестить? Зачем?

Такой вопрос и не стоял, и не появлялся. Сказать, что так надо, или такая традиция, или потому что захотелось или нужно – это вообще не к нам. Подумать, сказать, умными словами про Бога и церковь, про необходимость и обязанность – это тоже не к нам. Мы семья. У нас свои традиции, мысли и жизнь. Церковь и Бог в окружающей суете и заботах где-то на горизонте повседневных забот. Огромными скалами, спрятанными в кудряшках облаков. Бог и церковь – как воздух и солнце. Настолько рядом и вокруг, и всё, что незаметно.

А крестить... Отцы наши и деды, мамы и бабушки, наши предки были православными. Как и их родители и родители их родителей. Из века в век... Что тут ещё сказать? Дети продолжают веру и нашу жизнь. А крещение – это скромное посвящение в армию Христа...

Написал и замер. В духе последних событий...

Крестить...

Но всё никак и никак...

Конечно, мечталось, чтобы крестил тот, кому безмерно доверяешь – Кириллу. Услышать слово его позволить сыну. Одарить. Но он стал Патриархом, и не пробиться к нему. Но высок трон и статус. Далеко до него. А жаль. Хотя уж тридцать лет у сердца иконка, подаренная тогда ещё просто владыкой Кириллом, с ликом Христа, со словами «Спаси и сохрани». Не помнит он уже, наверное, тех ребят в камуфляже, которых он провожал словом напутственным, словом, оберегающим в метель, напоённую пулями, взрывами и злом. Провожал словом веры защитников Родины. Провожал воинов света... а ведь тогда мы все вернулись живыми. И сберегало нас слово и дыхание Бога... Тогда, когда слышал и почувствовал каждой клеткой тела, что Бог есть. Тогда, когда спас и сохранил... Владыка может забыть – много нас было, но мы-то помним... Не чужой он земле Калининградской.

Но это детали...

Хотелось сразу, как положено. Хотелось в Москве...

Но жизнь внесла коррективы в жизнь, в мысли, в дела. Началась пандемия. Вирус напал на страну и мир. Остановились перемещения по стране, городам. Страх охватил всё и всех. Оцепил. Люди перестали ходить в гости, лазить в окна к любимым женщинам, ездить на автобусах и трамваях. Люди укрылись друг от друга за масочным частоколом. Любой чих воспринимался взрывом и угрозой жизни окружающих. Блестящие глаза – нападением. Страшное время, когда и гулять-то с Пашкой, как и многие другие родители, ходили потихоньку, с наступлением темноты. Когда детские площадки опоясывали сигнальными лентами и плакатами с запретом детям играть на них. Когда ребёнку воздух нужен, и ты вырываешь его тайком от следящих и контролирующих... Но это в прошлом, и пережили это. Только не покрестили Пашку из-за вируса гулящего. Боязно было. Но время позволило посмотреть на многое под другим углом и светом. Взвесить, обдумать, оценить, определить ориентиры. Тут уже определились, кого просить о крещении и где: Ярославль и отец Константин.

Желание – это хорошо, однако финансы хоть и не пели романсы, но добраться из Калининграда в Ярославль семье из четырёх человек дело хлопотное как тогда, так и сейчас. И в финансовом плане, и в физическом. В физическом – только самолётом, а цены неподъёмные. Поезд – можно, но могут высадить на территории «дружественных» стран НАТО, и что будешь делать? Самое простое – сесть на машину, по деньгам бюджетно и просто. Но это в большой России просто. А из Калининграда это практически невозможно. Ни виз нет, ни желания сгинуть по дороге в Литве. Не любят нас там чиновники, не любят. Нормальные люди, конечно, там есть, но прячутся, чтобы на фоне сатанинской желчи не обвинили в любви к России, чтобы не стали гнобить в паранойе и бешеной злобе к нам. У них же тоже так, как везде, думают – бей своих и чужие тоже будут бояться. Потому на большую землю только самолётом и можно долететь. А это деньги. Но тут маме родное МВД денег заплатило за то, что уволили находящуюся в отпуске по уходу за Пашкой. Не дав доработать до пенсии три года. На фоне криков и оров, что в МВД жуткая нехватка кадров, в речах по поиску сотрудников, в объявлениях и заманухах. Маму, желающую не только служить, но и умеющую и знающую. Как и многих других. Только бла-бла-бла. Везде. На самом деле это всё кого-то устраивает и всё как обычно. Некомплект – это в головах, а в жизни по-другому. Побеждает тот, у кого ручка в руках, а не тот, кто прав... В общем, выперли маму из органов с угрозами, что если не напишет рапорт на увольнение сама, то уволят по такой статье, что она пожалеет навсегда. Такая политика. Написала. Дали зарплату за два месяца. На неё и купили билеты. Спасибо МВД.

А ведь волнительно – давно не только что не летали, а вообще из области никуда не выезжали. Как и многие. Опустили политический занавес в Польшу да подняли финансовую планку в Россию – и всё. Это тоже кому-то нужно?

А дети волнуются перед встречей с самолётами. Не поднимались они ещё так высоко в своей жизни. В первый раз... От Калининграда до Москвы...

А облака – они снизу...

И так хочется открыть дверь и шагнуть. Пройтись и посидеть на белом безмятежном безграничном поле...

Перелёт.

Посадка.

Рёв турбин, шум, гул и блеск аэропорта встречающей Москвы...

Восторги детей. Волнение взрослых. Столица всё-таки. Наша столица. Главный город России.

Всю жизнь мечтал встать у моря и идти. Идти к истокам. Вдоль берега шумящих волн, по берегам полноводной реки, впадающей в море, по ручейкам, насыщающим реку, к родникам, питающим...

Ну что ж...

Поехали...

Дорога Москва – Ярославль.

Что такое дорога? Кому асфальт – чадаящая и расплавленная смола, а кому длинные чёрные ленты, раскиданные белыми штрихами...

Поехали.

Барашки облаков, по которым недавно хотелось побегать босиком, теперь улыбались сверху, укрывая – раскрывая солнце. Встречая на горизонте, уходя в стороны справа и слева, исчезая за спиной. Они стоят, а мы едем. Шуршим колёсами.

И линии. Чёрная вожжа дороги с белыми сплошными, извилистыми, прерывистыми нитями, зажатая серыми полосами оцинкованного, заляпанного дорожными брызгами. Пришпиленная шляпками болтов и изгибов, опалённых солнцем и морозом железа. Между внезапно появляющимися, вздыбившимися высотой и стремительно пропадающими шумоспасательными щитами, за которыми внезапно прячется и появляется мир.

Недоступная жизнь на скорости гудящих колёс. Лесов, полей и рек. Надо только вырваться из этих объятий. Освободиться. Выглянуть из мелькающего тоннеля условностей и ограничений, из смрада асфальта и кашля неосаждаемой пыли.

Немного времени, и машина выносит из дорожного каньона. Глаза перестают наткаться и биться по нависшим и обступившим баннерам и указателям придорожных красот и...

Воздух...

Чем дальше от Москвы, от засилья машин, домов, тем просторнее. Небо становится больше. Будничная пыль перестаёт хватать за колёса. Воздух становится прозрачней...

А дух захватывает...

Одни придорожные мелькающие названия поражают, вызывают первобытный восторг... О многом мы не слышали и даже не догадывались. Живём на своём маленьком острове с расстояниями от границы до границы в триста километров и считаем, что много. Едем с запада на восток, а названия наши да свежие, и, наверное, примелькались в сознании. А тут, с каждым метром, с каждым километром, Россия дразнит, обступает, обнимает, привечает... Читаем вывески и указатели и удивляемся непознанному, витиеватости и древности русского. Пытаемся толковать, понимать. Открыть для себя...

Голыгино.

Река Пажа.

Хотьково.

Абрамцево.

Придорожное кафе. Завлекает огромный каменный лось с привязанными на нём ленточками всех цветов радуги. Белыми. Красными. Синими. Болтаются ветром ожидания, возвращения и радости свидания. Маленький курносый ослик с клумбой на спине привечает. Дети, засидевшие и уставшие поездкой, бегают по простору зелёной придорожной травы.

Бужаниново.

Душищево.

Ручей Свистовка.

...И храмы...

Сколько их тут! Мы уж попривыкли, что наши церкви в Калининграде, те, что старые, остроконечные. Не обращаем внимания, что на некоторых католических храмах кресты в виде мечей или мечи в виде крестов. А тут Русь. Тут купола с крестами. Без намёков и сомнений! Это у нас, там, совсем другая архитектура. А тут...

Церковь.

Храм.

Вон, там! Вдали, на горизонте, на холме. В ореоле разбросанной зелени деревьев. Собранный у подножия, укрывший под своим куполом сотни крыш домов. Пронзающий куполом и крестом небо... Огромный. Большой. Величавый.

А вот маленький. У дороги. За одноэтажными домами и печными трубами. За неровными серыми, зелёными деревянными заборами под два метра. За плакатами праздников и рекламы. За магазинами и ларьками. Раздвигает горделиво. Куполами и колокольней с достоинством смотрящий в небо. А купола синевой сливаются с небом, теряются, оставляя парить над всем царственно скромные русские кресты...

Величие.

В большом и малом.

Выползова слободка.

Лесная сказка.

Переславль-Залесский.

Музей Александра Невского!

Дендросад.

Троицкая слобода.

Оставшийся из нашего мира огромный и красный памятник бывшего Советского Союза – Серп и молот.

Река Нерль.

Улица Подгорная.

Ботик Петра!

Дертлики.

Нагорье.

Названия стучат и тревожат сердце. Тут у них совсем другое звучание. Тут они... Другие... Не такие, как у нас. Русские полностью и целиком. Нет иностранного засилья кидających вывесок шопов и маркетов.

Река Трубеж.

Переулок Трудовой.

Деревянные, брёвнороскожные, квадратные дома. Блики окон, обрамлённых резными наличниками. Открытые для всех ставни.

Блинная. Огромный дом. Небольшой крепостью у дороги. Двухэтажный. Квадратные жёлтые кирпичики на мощном фундаменте булыжников. От одного вида его хочется блинов. Его единственно достаточно, чтобы понять, что здесь Россия и ничто другое. А крыша, а крыша – словно девушка, русская девушка повязала платок... Зовёт, смеётся, приглашает...

А ещё тут есть всемирно известная улица Строителей. Манит туда скромный указатель, отражаясь на сердце новогодним фильмом. Улыбкой.

Окна. Старые добрые окна. Деревянные, запылённые, перекошенные... и нарисованные...

Дом знаменитого царя Берендея. Искушает и манит в трапезную. Но торопимся и с детским вздохом проезжаем мимо.

Улица Кошкина.

А у танка-победителя в Великой войне наших отцов и дедов останавливаемся. Гордый, величавый, непобедимый, застыл на высоком белом постаменте. Русский дух. Без слов. Т-34 – наша Победа!

Река Чёрная.

Любилки.

Львы.

Река Ишня.

Река Мазилка.

«Щучий двор».

«Лукова слобода».

Ярославль...

Останавливаемся, разминаем ноги. Звоним уточнить, сообщить о прибытии Пашиным будущим крёстным, людям православным и глубоко верующим – матушке Алёне и Лаптеву Павлу.

Выезжаем из Ярославля, машем рукой медведю с топором.

Указатель сообщает, что чуть влево, всего километр, и там будет Русь. Самая настоящая. Но нам нужно в Никульскую Слободу, к родителям Алёны. Валентине Леонтьевне и Николаю Васильевичу. Хочется свернуть, заглянуть, посмотреть, как там эта Русь живёт, чем дышит, что с ней и как... Но там вывеска, а у родителей Алёны самая настоящая, бережно сохраняемая православная Русь, в каждом движении, в каждой мысли, в каждом вздохе.

Бовыкино.

Сарафоново.

Бардуково.

Зяблицы.

Хозницы.

Малозиново.

Река Пажица.

Дорожаево.

Бузаркино.

Домнино. И Большое, и Малое.

Богатырёво...

Никульское.

Музей космоса.

Сразу за указателем, на полянке, огромный медведь и маленькая Маша, с корзинкой. Встретились – мимо не пройдёшь. Тут, на этой земле, родилась первая женщина-космонавт – Валентина Терешкова. И тут, у дороги, потемневший временем сруб с куполами – церковь Николая Чудотворца... Храм и космос... Рука об руку... Здесь Русью пахнет...

Хорошо в гостях. Привечают. Валентина Леонтьевна и Николай Васильевич. Маленькие теплички. Молодой сад. Грядки с луком и чесноком. Клумбы с цветами. Досками выложенных дорожек. Маленьким ухоженным домиком с не прекращённым ремонтом, постоянными трудами и рыжей кошкой. Иконами в красном углу. Столом, захваченным котлетами, картошкой, зеленью, тазиком салата. Привечают. Кушаем. После такой дороги дети лопают всё, без капризов и разбору. А нам бы наговориться. Говорим-говорим-говорим...

Отдохнули. Поели. Устали. Встали и с трудом поехали. Нам дальше. Ещё километров семьдесят.

Карачиха.

Роснефть – заправочная станция с пугающе низкими, по сравнению с нашими, ценами на топливо.

Шиголость.

Революция.

И лоси... Большие, как настоящие. У дороги. Фанерные. Манерные. Предупреждают, что выходят сохатые тут на дорогу. Чтобы все были живы.

Середки.

Река Ухтанка.

Чёрный асфальт незаметно исчезает, уступая место серо-жёлтому многоуровневому пути. Дорога становится медленнее, извилистей, ямки и бугры заставляют машину тяжело проседать, ухать и радостно подпрыгивать. Обступившие и нависшие заросли и деревья заставляют держаться в рамках. Между. На сгорбленной, качающейся, кидаящей, роняющей, усталой дороге. Почерневшие от жизни деревянные одноэтажные, двухэтажные, в резных наличниках срубы вдоль. Срубы колодцев во дворах, укрытые под деревянными, сбитыми из досок крышами. Мирно лежащие в холодке разноцветные спящие и бдящие кошки. Звонница качающихся ветром цепей с жестяными вёдрами на них. Пирамиды свежекелотых поленев. Заброшенные, с разорёнными крышами старые срубы, стыдливо выглядывающие из белой пены полевой кашки.

Алексеево.

Филино...

С радостным вздохом выезжаем к указателю «Николо-Отводное. Храм Воскресения Христова». Ещё чуток – и мы уже на месте.

Из-за дровяного наката деревьев, из-за брёвен вышел к дороге могучий и бородатый. Представляется. Отец Константин. Командует, где оставить машину. Приглашает в дом.

Дом...

Сколько лет ему? Скольких людей видел он, скольких привечал? Дом русского батюшки...

Обычный для местного глаза, деревянный. Одноэтажный. С фронтоном, выполненным в виде перевернутого киля корабля. Выкрашен в голубой цвет. Давно. Краска выгорела на солнце, облупилась. Три окна – одно на фронтоне, два на самом доме треугольником взобрались. Между ними на стене большая картина неведомого художника – коричневая ваза с ручками и букетом небесно-голубых колокольчиков. Стена украшена горшками со свисающими из них гирляндами красных цветов... Красиво. На входе в дом пристроенная веранда с приютившейся прислонившейся старинной пошарпанной и усталой скамейкой, когда-то выкрашенной половой коричневой краской, а сейчас естественного, близкого к исходу деревянного цвета. На стене, справа, разделочные доски. Как в сказке про медведей. Одна большая – старая, почерневшая от времени, с характерными многими мелкими ножевыми порезами. Вторая средняя – светло-серого цвета. И маленькая – совсем свежая, ровненькая соломенного цвета. Рядом решётка для жарения мяса, теннисные ракетки, рабочая одежда, градусник...

Из веранды: деревянная, ручной работы, из чего было, лестница на чердак и затёртая измождённая скрипучая дверь – вход в дом. В палаты священнослужителя...

Почему так забилося сердце?

Почему навернулись слёзы?

Почему дрогнули ноги, заставив облокотиться на косяк входной двери?

Дом.

Дом!

Слёзы побежали ручьём, брызнули фонтаном...

Мой дом...

Дом моего детства...

Обнял теплом. Защекотал запахами беззаботной юности. Затянул уютom безмятежного счастья.

Если дорога сюда была ломкой сознания, удивления и восхищения от новых просторов, то тут что-то таинственное, причастное к уже неведомому и недосягаемому. Детство обняло, поцеловало, пригласило... а может, не детство?

Обычная комната. Вытянутый квадрат, приплюснутый неровным потолком. Нет тут никакого ни стиля, ни задумки. Здесь всё по случаю: линолеум в восьмигранниках и квадратах, старый, истоптанный овальный некогда, в девяностых, богатый ковёр. Оборванные местами обои, обнажающие тело деревянного сруба. Мойка из старого мебельного гарнитура, заполненная тарелками и кастрюлями всех мастей и размеров. Обеденный квадратный стол на тонких ножках, укрытый застиранной, но чистой скатертью. Древняя расшатанная, даже на вид простенькая жёлтая табуретка из разряда «таких и в музее не найдёшь». Тумбочки, столик с самоваром у окна. Продавленный, но по свежему обтянутый новой тканью диван. Массивное кресло из другой оперы прошлых лет, с прижавшейся, пригревшейся бабушкиной подушкой. Это всё временное, залетевшее сюда, по-видимому, от перестройки и прижившееся. Из постоянного – выкрашенная и подкрашенная местами известью, подзакопчённая, ещё не рассыпавшаяся от времени русская печь. Ту, что в народе ещё кличут «экономкой». С поленьями, лежащими на лежанке по соседству с нужными-ненужными вещами. С кастрюлями и чайниками, устроившимися в поде. С натянутой вдоль, почти впритык, верёвкой для сушки вещей. С неизменным потрёпанным веником, стыдливо прислонившимся у дверцы зольника. С эмалированными вёдрами, приткнувшимися в углу. Из вечного – иконы в правом верхнем углу комнаты. Обычная комната, наполненная запахами нетопленной печи, холодной ночи, утренних блинов, церковных благоговений, теплом и потом ватных одеял, сушёного лука и засушенной мяты... В музее всё холодное, официальное, а тут доброе и уютное. Живое... Мелькнуло, что сейчас, именно сейчас, из соседней комнаты выйдет мама, в кухонном переднике, улыбнётся и скажет:

– Шо стали? Заходите! Что-то вас довго не було...

Из соседней комнаты вышла матушка Алёна. Упёрла руки в боки:

– Ну, что стали? Заходите! Будем вам рады! Давно вас ждём...

Стучит серденько, ой стучит...

После ужина отец Константин идёт хвалиться своим хозяйством:

– Мы в магазине мало чего покупаем. Вот баньку построил. Маленькая, скромная, но своими руками. Есть где похлестать себя веничком. Колодец почистил, углубил, водичка тут, не в городе, – вкусная, живая. Я его кличу по-старому – внедровица, источник. Без него тут никак... Курятник вот построил. Свои яйца да мясо. На семью да добрым людям хватает. Тепличку закончил делать в этом году, из выброшенных старых оконных рам. Люди выбросили, а нам сгодилось. Под баклажаны да перцы болгарские.

А земли вокруг – копано-перекопано. Грядок много. Не, не много, а очень много. Взлётными самолётными полосами вырваны из зелёных сплетений и заворотов трав потревоженной целины. Ряды цветущей клубники, разноцветного салата, острого лука с набухшими маковками семян и чеснока с хитро изогнутыми стрелками. Рвущиеся по натянутым верёвкам и пруткам вверх огурцы. Отгорожены досками от всё захватывающих диких мурав. Укрыты полиэтиленовыми плёнками, утыканы частоколом обрезанных бутылок из-под воды, прижаты зелёными дугами, устроились, словно войска на параде.

– Так тут же одному невозможно такое сделать! – удивляюсь я. – Даже за четыре года.

Отец Константин улыбается:

– А я и не один. Супруга и дети помогают. Без них никуда. Мы же семья. А так и клубника, и смородина в достатке. Крыжовник, яблоки... Да всего много. Самим не съесть – ребятишки из соседних посёлков прибегают, набегают, кушают, помогают.

– Впечатляет...

Отец Константин смеётся:

– Да не от хорошей жизни. Зарплата тут не совсем большая. Больше вкладываем, чем получаем. Жена зарплату получит, так делится на приход. Но если честно, то не протянуть тут без своего хозяйства. Хочется привести всё в порядок тут, но ушло былое величие этих мест, вернее, великолепие осталось, а вот те заводики, пусть маленькие, что раньше были по сёлам, исчезли. Работы нет. Люди из деревень потянулись в города. Их понять-то можно – там заработки больше, да и жизнь полегче. А тут вкалывать надо. Чтобы что-то было, надо встать раньше солнышка и лечь после него. Здесь не поваляешься с мобильником в кровати.

– Отец Константин, а вы сколько служите?

– Четыре года тут. Я же говорил.

– Я имею в виду всего на службе.

– А... ну так уже лет... двадцать...

– И что, за всё это время вам не нашли места получше, ведь тяжело, наверное, детей-то растить и учить надо, а тут дорога, даже до магазина, не близкая, не говорю уж о школе, о другой подготовке...

– А вы не спрашивайте. У нас куда владыка решил, там и служим. Без вопросов. Так Бог указал. А значит, надо. Людям нести слово Божье – наше предназначенье. Скажет владыка завтра на Северный полюс ехать, поймаем собак, возьмём котомку с харчами на дорогу, на первое время, да и поедем.

– Строго у вас...

– Да не строго... Бог задумывает наш путь, а мы должны следовать, куда он укажет.

– Ясно...

– Ясно, говорите? Ну, тогда для ясности скажу... Я сюда в девятнадцатом году владыкой Вениамином, епископом Рыбинской и Даниловской епархии Русской православной церкви назначен. Служу. По сравнению с моими предшественниками совсем ничего. Самому храму-то в этом году уж триста лет, хотя по его энергетике, мне кажется, что и побольше. С историей он. Поначалу это была небольшая деревянная церковь. Первое упоминание о ней тринадцатого марта семьсот двадцать третьего года было. Трудом Петра, Алексея и Ивана Борщовых уже в семьсот девяносто восьмом году из камня построили приходскую Воскресенскую церковь с колокольней. Через сто лет в приходе состоялось более двадцати поселений. В восемьсот девяносто первом году, по настоянию участника русско-турецкой войны подполковника Терского казачьего полка Михаила Борщова и его супруги Марии Gladковой, рядом построили церковно-приходскую школу. Только на момент открытия в ней обучалось сорок три ребёнка. В девятьсот пятом году соорудили ограду, поставили ворота. Всё это входило в усадьбу Борщовых «Заречье». Здесь, на кладбище, возле церкви, похоронены многие из их рода. А почему сказал, что служу совсем немного, так потому, что первый священник, про которого удалось узнать, тут был Феодор Васильевич Скворцов. Он служил с семьсот шестьдесят пятого года сорок пять лет. До восемьсот двадцать четвёртого – тринадцать лет служил отец Георгий, его фамилию история не сохранила. Тридцать четыре года – Лебедев Александр Дмитриевич. Восемнадцать лет, с восемьсот пятьдесят восьмого – Лилеев Иоанн Михайлович, с восемьсот семьдесят шестого по восемьдесят шестой – десять лет священником был Пажин. Сорок пять лет, по девятьсот тридцатый – Кудрявцев Владимир Васильевич. Двенадцать лет, до девятьсот сорок второго года – священник Боголюбский. Тринадцать лет – Немиров Константин Александрович. Пять лет, с девятьсот пятьдесят второго по пятьдесят седьмой – Бучин Николай Дмитриевич. Говорят, что он воевал в Великую Отечественную и даже был удостоен медали «За отвагу». Ещё четыре года, по шестьдесят первый, служил Лавров Владимир Иванович из посёлка Алексеево, что вы проезжали по дороге. В шестьдесят первом году храм закрыли. Благодаря владыке Симону, который крестился тут, храм был восстановлен, а служба возобновлена в девяносто первом. В том же году престол в честь Воскресения Христова был освящён владыкой Платоном. С девяносто первого много было священников. Так что недавно я тут, по сравнению со священниками тех давних лет, и давно – по сравнению с этими. Это и понятно: если раньше было до тысячи прихожан, то сейчас если десять будет, то это хорошо.

– Отец Константин, а для чего вы это рассказываете?

– Зачем? – Отец Константин гладит рукой бороду: – Это рассказ о тех, кто служил Богу и людям в этом краю. Это память. Это история и нашей страны, и края. Это история веры и пример служения. И Богу, и человеку. Эти люди достойны, чтобы хоть таким образом о них поминали. Пока мы помним о них, они живы. И в мыслях, и молитвах...

Разъяснил.

Городским сложно понять жизнь простую, деревенскую. Это приехавшим, проезжавшим мимо, заглянувшим на денёк всё понятно. Всё здорово, и умиление с восхищением через край. Ну а как же?! Воздух, природа – такого в городе не сыскать. И продукты свежие, без всякой химии – протянул руку до грядки и хрумкай, наслаждайся. Бесплатно и полезно. Да только руки, от постоянных трудов окрепшие и почерневшие, и скажут, какой ценой достаются эти прелести... Не жалуется батюшка – гордится созданным за столь короткое время. Гордится сынами – опорой своей, гордится матушкой, безропотно шествующей за ним во всех его делах и начинаниях.

А о делах и свершениях на ниве деревенской делится матушка. Не жалуется, не ропщет – делится и вспоминает. По-бабьи, по-тихому. По-свойски. Как на исповеди. У неё своя история и своя правда, женская. Смахнула мокроту глаз кончиком платка...

– Когда нас сюда назначили, тут, в доме, ещё уже давно и долго жили. Пришли добрые люди и остались. Батюшки приезжали на службу, отслужат и уезжают. Кто-то когда-то пустил на время пожить, до лучших времён, людей, а времена всё не наступают и не наступают. А со временем уже и посчитали, что это их дом, а не епархии. А рядом сруб небольшой, туда местные бабушки приходили чай попить – в церкви нельзя, а тут кафе придорожное открыли. Близ церкви. А поначалу батюшка тоже думал вахтовым методом, как все, как другие, а не получилось. Хозяйственность, тяга к строительству, сохранению и нетерпимая боль к разрухе взяли верх. Не смог спокойно смотреть на ветшание имущества церкви. Да и ездить – не ближний свет. Туда-обратно больше ста километров. По ухабам и колдобинам. В любую погоду. А ведь по приезду надо отдохнуть, помыться, смыть пыль дорожную и городскую, облачиться. Не привык работу он делать наспех, бегом, для галочки. Попросил освободить дом. Полгода просил. Еле выпросил. С криками и проклятьями отдали. Вот с весны и работали семьёй. В порядок дом приводили, постройки сделали, живность завели. А как без хозяйства? Жить-то на что-то надо. Это в миру считают, что священники купаются в деньгах. На деле всё по-другому. В этом храме пожертвований с пяти человек – копейки, да и те батюшка на поддержание храма направляет. Так вот, за делами и перебрался жить в деревню. Тут же постоянно работать надо. Отвернёшься – либо куры разбегутся, либо сорняки съедят иль укроют трудами выращенное. Да и людей добрых хватает, не смотрите, что пусто всё вокруг, заходят. Каждодневный труд. Батюшка тут и уборщица, и плотник, и каменщик, и землекоп... а в срубе баньку организовал, чтобы помыться. Не идти же ему в храм грязным... Тут ранее рукоплескавшие бабульки хозяйственному батюшке и взвыли – покусился на их собственность. Лишил их места душевного времяпровождения за чаем и словом об окружающих. Когда никто не заявляет на имущество, то оно только поначалу кажется своим. Со временем совсем не кажется – своё! Это большевики в семнадцатом, с оружием наперевес, а сейчас зачем?! Потихоньку, по чуть-чуть. Один знал, что это имущество церкви. Второй помнил. Третий догадывался. Четвёртый не вдавался в подробности, ну а пятый уже не знал и спрашивал разрешения... Зачем воевать, когда можно тихо и мирно подмять под себя. Если хозяина нет, то не грех и прибрать к рукам. Вот и прибрали. А тут приехал...

Матушка рассказывает. Тихонько. Влажные глаза и дрожащие руки выдают волнение и заботу...

– Вы только не скажите кому, а то батюшка узнает, ругать будет. Не любит он, когда... Он говорит, что это его трудности. Не просит он у людей ничего, только у Бога. А детей учить надо! Сейчас без образования никуда. А тут если на бензин хватит, то и хорошо. На мою зарплату и выживаем – одеваться-то тоже надо на что-то. Плюс квартира съёмная... Вот такая жизнь тут у нас... Вы не подумайте, что чего-то хочу – живём, и слава Богу. Хотела поделиться, не подумайте чего... Пойдёмте, а то... Ходимо!..

И ходим, ходим, ходим...

Тихонько и незаметно отстаю. С мыслями. Иду в поле, к дороге, ведущей к храму. Легко и просто приехать, как сейчас, а нужно как встарь – притти. Нужно отключить мир электроники и прикоснуться... Заглянуть в мир, который с каждым днём становится дальше... вытесненный небоскрёбами и затянутый проводами... В поля и просторы... Заглянуть...

А трава по пояс. Цепляется. Кусает, путает, стегает. Бьёт...

– Уже зашёл.

– Уже тут.

– Что вы хотите, чтобы, пролетев тысячи километров, просто уйти?

– Позвольте остаться...

Руки ищут зелёное золото детства. Сами, сами тянутся к траве. И уже ладони слушают острые кончики зелёных волн.

Опускаюсь на колени. Подогнув рукой стену трав, ложусь на спину, вдыхаю головокружительный забытый аромат поля и, раскинув руки в стороны, закрываю глаза. Недовольный рокот сменяет осторожный шелест. Тихий шёпот трав. Лёгкое перестукивание бутонов ещё не открытых, не доверенных солнцу цветов. И наступает тишина. Ветер останавливается движением. Солнце охватывает бескрайнее, застывшее вздохом поле теплом. Бежит по цветкам-стебелькам к земле. Находит меня. Заставляет открыть глаза. Стук сердца отражается ночным боем часов от вставших хороводом трав. Замер. Что происходит? Куда, куда делся мир с летящими машинами, ревущими трассами, вечно красными светофорами, высотками, закрывающими небо, взрывами, стрельбой, злом... Куда делось то, что было важным, – курс доллара, курс рубля, вечное успеть и постоянное опоздать, непрерывное верещание разноголосых телефонов... То, без чего, казалось, невозможно жить... Вдыхая ароматы, песни земли, забытые, но ещё живущие внутри... Что происходит?! Что это щёлкает и стучит внутри?..

Жизнь!

Вот ты, оказывается, какая!

Настоящая...

Какие высокие травы! Струятся в небо, огромное-огромное. И своими метёлками, цветочками, бутонами разгоняют облака. Белые и воздушные. Неторопливые и величавые. По рукам, по лицу бегают, щекочат, о чём-то трещат букашки-таракашки, не замечаемые, невиданные раньше. Сердитые шмели гудят, пчёлки что-то напевают, любопытные мышки-полёвки попискивают. Шум и галдёж. Свечи белых люпинов чистотой сливаются с облаками. Качаются. Кивают головами, источая терпкий дурман своей красоты. Разлапистые многия листья торопятся успеть поздороваться, тянутся прикоснуться и завладеть вниманием. Вырывают из пения-сплетения трав. Приглашают и заставляют сесть. Белые барашки цветов расступаются. Открывают окно в их мир...

А там, под облаками, на солнечно изумрудном поле, в обрамленьи белого сияния люпинов – храм...

Храм Воскресения Христова...

Если бы за ним не стояли рослые и огромные деревья, то увидеть было бы сложно. А как? Купол небесного цвета растворяется в высоте. Белые стены больше похожи на облака. Да и не видны они в белом сиянии их и люпинов. Видны лишь парящие кресты храма и колокольни, сияющие в лучах солнца... Вознёсшиеся... Воскресшие...

Поле шумит. Облака улыбаются. Со всех сторон ручейки голосов сливаются в один...

Кто я?!

Ловлю себя, что молчу, а говорю. Разговариваю, а молчу.

Кто я!?

Равный среди равных! Как травинка. Как букашка.

На грудь садится бабочка. Машет, вздрагивает, трепещет своими бархатными крыльями. Замираю. Вторая садится на голову. Слышу ветер, поднимающийся их взмахами. Третья садится на руку и, взлетая, тянет. Тянет и тянет. Маленькая сила, перед которой я слаб. Взмахом ресниц поднимаю в воздух бабочек, и они перелетают на люпины, зовя меня за собой. Потом срываются и летят... к храму... растворяясь в белизне его стен...

Травы поют и влекут.

Уже ничего не слышу.

Только они.

А они ли это?

Кто?

Кто говорит со мной?

Кто достал давно забытую скрипку моей души и терзает её, настроив на новую жизнь?

Кто ломает мою скорлупу, отбрасывая в сторону ненужное и наносное?

Плачу от нахлынувшей радости. От увиденного и услышанного...

Встаю.

Поднимаюсь, оставив на земле пыль быта.

Спешу сквозь травы.

К храму.

К вечному.

К святому.

Морося, запинаясь, роняя слёзы и куски чёрствого хлеба прежней жизни.

Спорю, зная, с кем говорю.

Держусь, зная, кого слышу.

Устремляюсь увидеть.

К храму... среди этого поля небом равный... равный среди равных...

Бреду...

Иду...

Кто я?

Что со мной?

Незаметно, с рассыпанных по небу звёзд, сошёл вечер.

Отец Константин присел на бревно.

Рядом.

Помолчал. Послушал молчание. Тихо произнёс:

– Частенько здесь посиживаю. На этом самом месте. Тут не в городе, согласитесь?! Тут и воздуха, и неба больше. Не давит ничего... Смотрю за тобой... Что гложет тебя? Что не даёт покоя?

– А что вы хотите услышать?! Всё нормально.

– Нормально... Может, и так... Только думается, что всё несколько иначе. Может, лукавишь, а может, и сам не понимаешь того, что терзает тебя...

...Может, и так... Думаю про жизнь. Да про многое... Как-то тут по-другому. Располагает. Просторно... Да и хочется поговорить с тем, кто там, за звёздами...

– Поговорить... Желается... Переходи со мной на «ты»... поговорить...

– Хорошо. Попробую.

– Попробуй. Попробуй... Знаешь, мне иногда говорят, что хотят услышать, увидеть, почувствовать Бога. Поговорить с ним. Жаждают видения. Хотят, чтобы он дотронулся, дотянулся... а мне... Поражаюсь... Приезжают зашоренные холодом городского бетона. Говорю: ломайте стены, что воздвигли вокруг себя, порвите пути, откройте глаза. Бог – он тут, он вокруг вас. Стены, которые вы воздвигли вокруг себя, за которые зарываетесь и отгораживаетесь, смешны. Пустите его в душу. Не прячьтесь!

– И что?

– Не видят и не слышат... Не понимают... Хотят особенного... Думают, что он молчит, не слышит... Вот мы у храма сидим... Листья деревьев, трава шумят? Гром и молния? Гремят, сверкают? Это Бог разговаривает с нами. Не видишь его? Да подними глаза – солнце, луна, звёзды сияют, радуга улыбается, весной-летом земля омывается жизнью новой – увидь его! Птички-букашки, звери-животные, идущие к тебе, – коснись, почувствуй его присутствие... Но не всем такая милость открывается, во всяком случае, не сразу... Бог везде. И слышит он всех. Потому он и Бог. А если не видишь и не слышишь, так это дело не в нём. Или не так?

– Даже не знаю...

– А это видно. Чувствуется сразу. А когда ты спрятался от нас, то и сдерживать не стал... Если человек захотел услышать Всемогущего, то зачем его тяготить... Главное, не спрятаться от себя...

– Да я просто захотел побыть один... Не получилось...

– Меня имеешь в виду?

– Да нет. Букашек разных... Мысли... Всякие... Проблемы... Вопросы... Как-то беспокойно внутри...

– Проблемы, потрясения, беды... Это нормально. Это испытания. Человек, он существо крепкое. А если верует и верует искренно, то выживет. Вера делает человека крепким. Почему мы, русские, непобедимы? Да потому, что в нас есть вера... Вот вы, зачем сюда приехали?

– Как зачем? Ребёнка покрестить!

– Значит, веруете в Бога?

– Веруем, отец Константин, веруем, но...

Батюшка встал, отряхнул, погладил руками одежды:

– Какое «но»? Либо ты веришь, либо нет...

– Да веруем. Только очень много вопросов скопилось. Хочу ответы услышать... Не по вашему, по церковному. Не понимаю много. А по-простому, по-крестьянски. Чтобы раз, и в сердце. Искренно и честно. Жажду!

– Слово правильное и хорошее сказал – жажду... Задавай! Как смогу, как понимаю, тебе отвечу. А там уже сам разберёшься, на каком языке в сердце, или душу, или ещё куда...

– Так ты при сане. Что ответишь? Так же, как все... Спрячешься за крестом и рясой, наговоришь с три короба, а ответа-то и не дашь. А если скажешь, что не так, то по голове не погладят тебя.

– Рассмешил... Так – не так... Погладят – не погладят... Давай, забудь, что я священник. Как с другом близким поговори со мной. Без оглядки на крест и одежды церковные. Задай вопросы, а ответить постараюсь, как знаю и чувствую. Задай, и попробуем найти ответ... Попытаемся. Хотя всё равно услышишь лишь сколько и лишь то, что возжелашь...

– Да простые вопросы, обыкновенные. Вот, например, слово «Крещение», что это? Многим задавал вопрос. Не одному. Так они говорят: чтобы не болеть, чтобы помогал. А по мне, так где здесь Бог? Получается, как в магазине. Баш на баш. А мне так не хочется. Даже неприятно.

– Ну, что сказать... Горько, но прав. В миру сложилось мнение, что крещение – это просто обряд. Более того, некоторые считают, что это традиция. Крестьяне, потому что... без лишних, как они считают, мыслей... Это те, кто не ходит в церковь, не понимает и не принимает слово Божье. Если ко мне с такими речами приходят, то отказываю им в крещении, гоню...

– Вот прямо так запрещаете и прогоняете?! А как же статистика? У вас наверняка, как везде, есть отчётность – сколько крестили, сколько отпели, сколько пришло, сколько ушло...

– Да Бог с тобой... Нет таких действ, чтобы обратиться в веру побольше... Не так. Совсем не так. Нельзя с мирскими, повседневными мерками подходить к таким трепетным вопросам, как вера. Для Господа важен, ценен каждый человек. И никто, слышь, никто и никому не ставит целью покрестить, обратиться в христианство человек. Чуждо это нашей церкви. Всегда, во все времена главное, чтобы крещение как отречение от дьявола было добровольным. С крещением, с верою в Святую Троицу рождённый заново обретает благодать Святого Духа. Это вы, а не мы измеряете мирскими, сегодняшними понятиями... Вы живёте сегодняшним днём, а мы, служители, предлагаем и помогаем вам, заблудшим, потерявшим в гонке быта, прикоснуться к вечному и нетленному. Проще всё у нас, намного проще – и потому крепче во всём... Если хочешь, то и время у нас другое, ритм иной. Так что... Беседуем, разясняем... Что, как и почему... Не уступив эмоциям, а безгранично серьёзно. Глубокомысленно и основательно. Крещение – это не просто, как кажется, это принятие на себя многого и многия. Ребёночка-то не только нужно родить, но и кормить, и растить. То же самое и в духовном смысле. Так что работаем. И если хочешь возвышенно – открываем дверцы света в стенах суетливого мира людей.

– Свет светом, но на вопрос не ответил. Вильнул. Ушёл. А я вернусь: ответь, что такое крещение. Суть. Зерно.

– Настырный какой! Давай вместе. Вот ты предлагаешь мне сказать, что такое крещение. И интересуется тебя зёрнышко, из которого родится жизнь... И по-простому ответить мне не удастся, потому что мы говорим о разном. И чтобы было понятно, прежде всего нужно перейти с языка толкований на фундамент. Чтобы не было путаницы. Слова – дело тонкое. Один вкладывает такой смысл, а другой иной. И вроде говорят об одном, а получается какая-то совместная ерунда и непонятки. Вы вкладываете в это слово одно, мы – другое. И получается разговор ни о чём. Это как в любом направлении свои термины и обороты. Возьми любой более или менее технический документ, например в строительстве. Так даже там в самом начале раздел есть «Термины и определения». Для однозначного понимания процессов стройки. Не будет этого, больше чем уверен, вместо красивых строений будем получать кучи строительного мусора. Так вот, даже слово «крещение» в самом начале несло совсем другую смысловую нагрузку. Так бывает в русском языке – изначально слово обозначает одно, а через года или века может изменить своё значение до обратного. Крещение в буквальном смысле можно толковать как «Обращать в веру», а корректнее было бы сказать «Омовение». Это по-простому. А если

очень правильно и точно, то это «Преображение» или «Рождение». Рождение новой светлой жизни... Встреча с Богом...

– А суть? Зачем креститься? И без этого можно прожить. Читал, что некоторые святые в церкви нашей даже некрещёнными были.

– Некрещёнными, говоришь? Было...

– Вот видите! Так что это получается? Двойные стандарты?

– Ну почему двойные?! Двойные это потому, что твой подход современно-обывательский, без знания. Крещение в нашей вере разное бывает. И тут ничего хитрого и противоестественного нет, если знаешь. Шашкой рубануть можно, этим и пользуются многие горлопаны. Есть ещё такое крещение, как мученичеством или кровью. Некоторые святые говорят – крещение слезами. Это крещение верующего человека, не успевшего креститься водой и Духом, как многие. Но он подвергается гонениям за веру в Христа, проливает кровь и принимает смерть за неё. Считается, этот человек крестится таким же крещением, каким крестился Христос. Церковь почитает таких людей. Очень...

– Не знал... Но сам обряд... Смысл его? Почему так, а не так? Не тогда, а сейчас?

Отец Константин задумывается, вздыхает...

– Видимо, давно ты в церковь не ходил... Беседуем о высшей математике, а надо в первый класс. Возвращаемся назад... Если коротко, то крещение со времён Иоанна Крестителя изменилось и в настоящее время имеет другую существенность. Точка изменения – смерть и воскрешение Христа. Крещение – как знак покаяния. Крещение – как причастность с Богом, единение с ним. Господь обратился к своим сподвижникам со словами: «Можете ли вы креститься способом, которым я крещусь? Готовы ли вы принять страдания, которые я буду переносить?!» Внешняя форма таинства не изменилась, всё как раньше, издревле – погружение в воду, омовение. А перед омовением – исповедь. Человек должен раскаяться в своих грехах. Само погружение в воду – это символическая смерть. Смерть для дьявола, смерть для греха. Погружение – это, своего образа, очищение от скверны, от тёмного. А когда человек выходит из купели, это выходит возрождённый человек. Так он приобщается к страданиям и воскрешению Христа, его личность становится неотделима от личности Христа. Преподобный Максим-исповедник сказал в своё время, что крещение меняет для человека его причастность к страданиям и смерти. Крещение – это один из способов уподобления Христу... Вот. Наговорил вам...

– Да нет... Кратко и доходчиво. Без прикрас. Сейчас время такое, что, послушав иногда слова правильные... ничего кроме отторжения они не вызывают... а ты по-доброму... Но это всё понятно... Со взрослыми. Пожили. Погрешили. Покрестились. Извиняюсь за жаргон – очистились. Освободили свой сосуд от тёмного, наполнили светом и благодатью... Тут понятно... а дети? Детей-то зачем крестить? Они же совсем маленькие и согрешить не успели. Да и хотеть ещё не могут... Зачем их крестить?

– Деток нужно крестить, ибо самое тяжёлое для них – это расплата за жизнь предков, родителей. За грехи их. Крещение – это посвящение ребёнка Богу, наполнение его Богом. Вот тут и всё, наверное.

– Может, и всё...

– Мне думается, что во всём нужна честность. Не рекламировать веру, не обещать то, чего не можешь исполнить...

– Честность... а скажи мне честно. Как есть... За грех... Вы ненавидите, отвергаете грешников? Я конкретно о тебе спрашиваю. Не в общем, а конкретно...

– Если уж у нас пошёл такой разговор за честность и веру, снова определяюсь и обозначу, что в моём понимании грех...

– Чего я и добиваюсь. Именно. Меня интересует именно твоё понимание. Вернее, убеждённость. Искренно и честно, то, чем живёте...

– Грех – это внутреннее отвержение Бога. И если говорить твоими словами, что человек – это сосуд, наполненный светом и добродетелью, то грех – это то, что разрушает этот сосуд. Грех – это то, что... В разбитом сосуде ничего не сохранишь... Говоришь – «ненавидите грешников»... а как их ненавидеть? Человек ведь и дела его – они разные. Грешник ни при чём. А вот грех, его ненавидеть необходимо...

– Как-то очень просто... И что, получается? Получается отделить грех от грешника?

– Да... Вопросы задаёшь... Тебе лицо никогда не били за твой язык?

– Не получалось... Ты так от ответа уходишь, если правильно понял?

– Ну, наверное, скорее «да»... Грех и грешники... Вопросик... Я не профессор богословия... хоть вопрос и понятен... Ненавидеть... грех или грешника... грешника или грех... очень понятно, что грех... но до чего тяжело по жизни это исполнять... Может, повторюсь за кем-то знаменитым и известным, но скажу по сердцу – стараюсь помочь всем, кто ко мне обращается, чем могу... Всё, что происходит вокруг нас, – это наши мысли, желания и поступки. Если мы наполним этот мир светом, любовью и добротой, то места тёмному не останется. Но помочь всем лично мне невозможно... поэтому стараюсь и другим советую не причинить никому зла... а у меня работа такая – следовать слову и делам Бога...

– Работа! Костя! Я вас умоляю! Ну разве это жизнь? Тут, в забытом и позаброшенном месте. Фактически без семьи, без каких-либо условий, без зарплаты... Ты мне сейчас о работе говоришь!? Ты с твоими организаторскими способностями, с хозяйской жилкой мог бы достигнуть таких высот, что... и зарабатывать... такие, как ты, в миру на вес золота... а тут ты кто и зачем?!

– Мне бы не хотелось перескакивать с интересной для меня беседы с тобой о вере. Мне бы не хотелось перескакивать с наших мыслей на обсуждение моего быта. Не хотелось. Но коль затронули, на секундочку отзовусь. Отвечу, чтобы потом, надеюсь, мы смогли вернуться к нашей беседе. Думаю, это тебе матушка нашептала... У женщин быт на первом месте, сразу за детьми и семьёй... У меня, так же как и у неё, Бог выше всего... Понимать надо, что предназначение женское – сохранение рода. Так было всегда. Она хочет, по её мнению, лучшего... Хотя бы детям... И я понимаю её... Мне бы тоже хотелось, чтобы мои дети, даже если не пойдут по моим стопам, то пронесли веру в Христа с гордо поднятой головой... в сердце... Что касается меня, то, возможно, я не достиг той цели, которую ставил перед собой, какой, по твоему мнению, заслуживаю, но знаю наверняка, на сегодня я там, где мне нужно и необходимо быть... Ответил на вопрос и надеюсь, больше к нему мы не вернёмся... Договорились?

– Постараюсь... Но мне непонятно, зачем такие страдания? Ради чего? Чтобы угодить Христу?

– Давай остановимся! Я не страдаю. Я служу. И давай этот вопрос закроем... мне неприятно его обсуждать, и опять, только потому, что мы подходим к нему с разными оценочными суждениями.

– Хорошо... Тогда ответь мне на вопрос: ради чего, во имя чего люди страдают? Тем более что в этой жизни страдают все – и крещёные во Христе и некрещёные. Я крестился, а Бог, где он, где его помощь? В чём тогда смысл? Иногда смотришь, как люди мучаются, и думаешь, что Господь бросил их. Оставил биться один на один с их бедами и напастями.

– Не ново... Такие возмущения, направленные Богу, раздаются, а иногда и слышны... Учение Христа не призывает кого-либо страдать, тем более в угоду ему. Страдания даны нам, чтобы принять участие и пережить то, что пережил Христос, разделить с ним его чашу...

– Получается, что страдание – это зло? Зачем? Зачем Бог создал зло? Скажите мне на милость!

– Как у вас всё намешано... Добро, зло, грех... Если касаясь христианства, то скажу кратко – зла нет. Бог не может сотворить зло. А если смотреть на зло, то, в моём понимании, зло – это противостояние Богу. Противостояние дьявола, который дарованную Богом свободу обрёл во зло. Испытания – это не знак отношения Бога к нам. Нельзя так думать и поддаваться таким мыслям. Сам Господь избегал гонений, но потом не пожелал защититься от земных неприятностей и пошёл на казнь...

– Зачем? Для чего? Не по писаному ответьте, а по душе...

– Зачем он пошёл на казнь... ради чего?.. Ради нас... Зажёг нам свет, чтобы мы не блуждали в темноте... Этим поступком он совершил великое... Он дал людям совесть...

– Совесть?! Удивил... И что она есть, эта совесть?

– Совесть... в первую очередь это мерило... Совесть – это чтобы люди могли отличить зло от добра... Совесть как величайший дар, дарованный нам его жертвой... а я слышу в твоих вопросах вещи, несовместимые с твоим христианским именем. Гордыню слышу. А это ведь тоже грех...

– Вроде договорились по-простому, а вы священника «включили»! Ну, говорю. Ну, спрашиваю. Такое впечатление, что если я буду постоянно говорить «Церковь, Бог, Святость, Благодать», то стану святым. А если «Грех, порок, ложь», то стану грешником?

Константин стал, навис всей громадой, скалой сверху, апперкотом выстрелил:

– А ну заткнись, гадёнышь! Рот свой поганый-то закрой!..

Вскакиваю, негодуя и возмущаясь. Взрываюсь гневом:

– Что?! Ты как говоришь со мной?! Ничего не попутал, батюшка?!

Руки в кулаки, кровь к лицу. Заколотило адреналином. В бой!

А он в ответ смиренно сложил руки на животе, принял благостное состояние лица и, потупив глаза в землю, совсем по-другому, тихо:

– Простите меня, пожалуйста, я был не прав. Не сдержался...

Да сам тут оторопел... Схлынуло:

– Да ладно. Бывает. Ты, наверное, постоянно выслушиваешь всякое такое, разное, а тут я со своими вопросами и рассуждениями. Вот и не выдержал, решил мне мордочку подрихтовать...

Константин неожиданно рассмеялся:

– Поверил? А ведь я специально так сказал. И заметь, когда я тебе нагрубил, ты был сам готов мне лицо набить в гневе и ярости. А когда извинился, то ты сразу успокоился, задышал ровнее... Так ведь?

– Даааа!

– Это ответ на твой вопрос о святости и грешнике. Одно слово в тебе вызвало возмущение, а второе умиротворило. А форма... Так доступней и доходчивей. Теперь ты об этом никогда не забудешь. Так что прости ещё раз за то, что вызвал в тебе гнев...

– Да всё нормально... Ты как психолог со стажем... Удивил... И объяснил...

– Всё нормально... Знаешь, частенько тут, под звёздами, слушаю, как они переговариваются, перешёптываются с травами... Много мыслей приходит... Вот начали разговор за крещение... а крещение – это рождение... Появление на свет – это тоже рождение... И потом это происходит много и много раз... Ты, наверное, не знаешь, что при крещении мы все принимаем, как дар, одно имя. Самое главное. Единственное. И у меня, и у тебя, и у многих одно имя. И имя это – Христианин... С ним у нас начинается новая жизнь. Жизнь во Христе. И что эта жизнь? Что такое жизнь? Да жизнь – это отражение от наших мыслей, любви, совести на смех, несправедливость, гордость, боль. Жизнь стремительна. Быстротечна. Мелькнула звёздочкой, и нет её. Запомнится, запечатлится, останется в миру она делами нашими. Величайший дар нам дарованный Богом – любить и прощать, созидать и возводить, видеть и наслаждаться красотой. Говорить и петь ей. Что может быть важнее, смотреть на всё с любовью. Нет ничего важнее любви... Но, к сожалению, только время разрешит понять, как она необходима и как бесценна. Время – единственное, что подчеркнёт и оценит её вес... а ты знаешь главную заповедь Божью?

– Конечно! Только их несколько: не убий, не укради...

– Да... Это заповеди с приставкой «не»... очень важные... Но есть заповеди другие... Без «не»... Мы скоро пойдём спать, но почему-то мне показалось, что в многоугольнике твоих вопросов отсутствуют многия грани...

– Какие?

– Вопросы о поиске добрых дел. О внутреннем и внешнем в человеке. О чтении Писания Слова Божьего, о молитве. О борьбе с грехом... В том числе и внутри себя... О гармонии. О Церкви. О крещении...

– Так мы вроде обсудили этот вопрос...

– Конечно, обсудили. Но ты не затронул важнейшее – что делать, как быть после крещения? Знаешь, святой Павел сказал, что тело человека – это храм святого духа. В таинстве духа, крещения человек получает благодать Божью. И она живёт в нём. В этом смысл святости. В этом обоснование крещения. Не грешешь не потому, что боишься кары Господней, нет. А по причине, что ты храм, по причине, что ты свят. И когда тебя обволакивает соблазн греха, скажи про себя: Я принял крещение, я слился с Христом, я принял благодать духа святого, я храм его.

– Хорошо, принял я крещение. Что делать дальше?

– А дальше, следующий шаг – жизнь. Мы с тобой ходим всё вокруг да около, вперёд да назад... Крутим в руках кубик Рубика и всё никак не можем его сложить одноцветными гранями вместе. Мы живём в мире, в котором нас много. И людей много, и всего, а человек сам по себе. Одинок в мыслях, желаниях, поступках. Тычется из стороны в сторону, пытается понять, разделить, поделиться, а никак. Не с кем. Зачастую даже с самыми близкими не находит ответы на вопросы. А эти вопросы всплывают, не дают покоя, вот как у тебя, и не факт, что найдёт человек правильный, необходимый ответ. Настоящий, а не похожий. Как в бурю на море на корабле. Нужен, необходим маяк, чтобы не сбился он с пути. Вот на нас, священниках, и лежит за это ответственность перед Богом быть маяками в вере. Для деток малых помощниками, маяками в вере являются крёстные. Ради этого каждому христианину дарован Богом ангел-хранитель.

– Не вижу смысла. Тут и так всё понятно. Видно, где чёрное, а где белое...

– Говоришь, видно... Хорошо... Ответь мне тогда: где граница между светом и тьмой? Где та черта, которая разделяет день и ночь? Где грань между любовью и ревностью, назойливостью? Можешь провести черту и сказать: вот так!

– Вопрос...

– Да, это вопрос... Это то, о чём можно долго высказываться. Так же с добром и злом... Где граница? Как её не перейти?.. Свет, он один, а вот у тьмы много разных оттенков, которые можно принять за свет. Тона и полутона... а свет, как и вера... А потому надо верить и внимать слову Божьему. Наше предназначение – учить слову Божьему, а в необходимый момент дать совет. Не по жизни, а по совести. Ибо совесть – это главное в человеке...

– Ты снова начинаешь говорить, как все. Витевато и непонятно. Словно запутать хочешь...

– Да не хочу тебя запутывать. Даже мысли не было. У меня тут вопрос возник... ты когда был в церкви в последний раз?

– Давно. Лет пятнадцать назад... Не вижу смысла.

– Да нет. Смысл есть всегда... Как и причина...

– Причина? Да причина и смысл в том, что нет в церкви Бога. В ней всё крутится только вокруг денег. Смотришь, как жируют батюшки-священники, аж тошно становится... Всё хапают и хапают. Всё им мало и мало...

– Эка тебя понесло... Словно облаком чёрным дохнул... Накопилось, видимо...

– Накопилось. Не привык за спиной говорить. Вот и говорю вам в глаза...

– Да и правильно, что сказал. Что на душе лежит...

– Так не только я один думаю. Так многие. Потому и в церковь не ходим.

– Многия... а как же вера в Бога нашего, в Иисуса Христа?!

– Вера и церковь – это разные вещи... Верим мы, но в церковь не ходим...

– Слушаю вас и слышу, что что-то послужило причиной этим словам. Этим поступкам. Это неприятие церкви... Что-то послужило... Не скажешь? Почему? Раньше ходил, читал, верил. Слышал звучание... А сейчас острое неприятие церкви... Почему?..

– Почему?! Да потому, что пятнадцать лет назад умерла моя мама. Вот и всё. А ведь она могла пожить ещё не один десяток лет... а мне её не хватает...

– И ты посчитал, что остался один. Что тебя все бросили... Беденький... Не нам решать, когда кому уйти. Всё в руках Божьих. А в тебе говорит боль утраты... Не буду тебя в чём-то убеждать, но послушай меня. И попытайся понять. Услышать. Не закрывай свою душу для моих слов.

– Попытайтесь...

– Хорошо... Сказал Господь: «Да будут все едины...»

– И что?

– Будь терпим. Дослушай... Христианство и церковь – неотделимы, и это как воздух, солнце вокруг нас. Разделение людей с Богом – это и есть проявление греха. В разделении и разобщении нет единства, которого желал Господь. Нет. И смысл крещения, его глубинный смысл и есть возвращение человека к Богу, если хочешь – возвращение к единству. Слово «церковь» можно перевести как единство. Собрание молящихся в церкви – это ведь не обязанность, не клуб по интересам. Собрание – это понимание спасения. Можно много читать, понимать, изучать, но если ты не молишься с христианами в церкви, то просто ты не понимаешь сути веры, которую принял. Церковь – это собрание во Христе. А потому вера и церковь неотделимы. Нет у тебя спасения в церкви, потому что ты в своей боли и гордыне отделяешь себя от христиан, ты отказываешься от пути, который предложил Господь... В единстве, в скобках подразумеваем – в церкви люди ближе друг к другу, а значит, они ближе к Богу... И наоборот... В церкви верующие соединяются с другими христианами в молитве. Тут и ответ в том, что мы непобедимы, ибо в вере своей мы едины... Как в песне – броня крепка и танки наши быстры... Ты загляни в нашу историю. Да по сути своей, не было бы веры, не было единения – не было бы и России. Вспомни, сколько раз церковь объединяла народ русский против врагов. И сколько раз Бог укрывал страну и её защитников. В церкви мы едины. В церкви мы все под огромным покрывалом любви Господа. Вот мои прихожане – обиделись они на меня, поломал я их устоявшуюся годами жизнь, но в церкви мы молимся вместе. В церкви мы любим друг друга. Нету зла в моём сердце к ним. Ничего, кроме любви и уважения.

– Завернул ты... Одно слово – батюшка... Мне теперь всё, что ты сказал, осмысливать не год придётся...

– А ты сердцем, сердцем слушай... Да и возвращайся из царства твоих вопросов в царство веры в Бога... И ещё... по поводу жируют и прочего, что ты мне наговорил недоброго... Каждый видит то, что хочет видеть. Особенно когда обида застилает глаза... Сейчас уйду, мне молиться время подошло. А как уйду, огляни вокруг всё. Найдёшь хоромы царские, мерседесы да кадиллаки, деньги чемоданами, утварь золотую да серебряную, так зови, не стесняйся. Вместе посмотрим, поделимся, порадуетесь... а так... обратись к своему ангелу-хранителю... Поможет он тебе. Ведь именно для этого он Господом и дан, чтобы мог ты к нему обратиться за помощью в минуты сомнений. В наших душах идёт постоянная борьба между добром и злом. И тут полем боя становимся мы сами. И на нём мы не одиноки – плечом к плечу с нами идёт по жизни ангел-хранитель. Без ангелов-хранителей и наставников род людской демонами был бы уничтожен. Весь и давно...

– И что? Ангелы... Наставники... Бог... А где они все были, когда мне было плохо. Когда я уже думал, что всё, конец?! Где были эти ангелы?!

– Тихо! Не шуми. Не плескай обиду свою горькую. Лучше давай я тебе маленькую сказку расскажу да пойду готовиться к завтрашнему великому дню...

– Вы меня совсем уже считаете... не знаю кем?!

– Явился однажды человеку его ангел-хранитель. И спросил: «Хочешь, покажу тебе жизнь твою?» Ответил любопытный человек: «Покажи, сделай милость». Обнял ангел человека и взмыл с ним вверх. Высоко. И увидел он свою жизнь. Всю. От рождения до сейчас. А рядом с ней цепочку двух пар следов, идущих рядом. И спросил человек: «Это мои следы, а рядом, чьи? Кто идёт рядом со мной?» Ответил ангел: «Это? Это мои следы. Это я с тобой иду всю твою жизнь». – «А почему вон там и там видна только одна цепочка? Почему?» – «Почему? – спокойно спросил ангел. – Это самые трудные моменты твоей жизни...» Человек посмотрел в глаза ангелу и бросил, выкрикнул свой упрёк ему: «И что же, ты меня всегда бросал тогда, когда мне было тяжело и плохо?!» А ангел не отвёл глаз и тихо ответил: «Нет. Я нёс тебя тогда на руках... и так будет всегда...»

Стихли шаги отца Константина в переключке цикад. Травы всё ещё переглядывались и шептались о своём со звёздами. О чём-то вдалеке вскричала забытая птица. Люпины перестукивались кистями цветов, не давая спать недовольно ворчащим в них шмелям...

Проснулся от голодного ворчания кур и звонкого гимна восходящему солнцу: Кукарекуууу! Отец Константин делал зарядку, фыркал, поливая себе из ведра. Матушка Алёна копошилась у печи. Детки сопели из двухъярусной кровати.

Приехал будущий крёстный отец Пашки. Павел... Человек непростой судьбы. Хлебнувший, как говорится, сполна. Воевавший в Афгане. Выживший тут. Сейчас скромный директор управляющей компании. Работающий для людей. Добрый и отзывчивый. Добившийся всего своим трудом, умом и руками. Золотыми руками. Глубоко верующий в Бога... а рядом всегда и во всём, как подобает русской православной женщине, – жена Ирина, хранительница и защитница очага и веры...

Храм...

Перед храмом в буйстве дикого травостоя из крапивы и сныти, под ветками засохшей яблони смиренно застыла чёрная крыша. Из-под порванного, потрескавшегося покрытия, некогда служившего защитой от дождей, высунулись на свет старые доски обрешётки. На перекошенном, потемневшем от времени, солнца, воды и ветра деревянном срубе болтаются оборванные электрические провода. От былого величия и добрых дней осталось лишь голубое резное обрамление окон. На заросшем, одичавшем, обветшалом, перекошенном крыльце, среди травы и мусора – стул без круга сидухи сиротливо, стыдливо встречает гостеприимной пустотой провала... Внутри: сорванные полы; полурассыпавшаяся и обрушенная русская печь; обои, подбитые дощечками; детские рисунки; заколоченные нетёсаными досками пустые осиротевшие окна... На потрескавшейся стене белый, почти выцветший листок, нанизанный на шляпку ржавого гвоздя, с надписью: «Красота – это исключение всего излишнего»... Среди разбросанных по тому, что раньше было полом, до перестроечных газет на белых листах портреты неизвестных, запечатлённых детской рукой... Разломанная мебель, банки, мусор и старые деревянные грабли с оставшимися четырьмя зубцами... Потолка нет. Есть свет, врывающийся в дыру между брёвнами крыши, падающий на почти свежую газету «Юность» девяносто третьего года. На заголовок «Чистота Ярославлю к лицу». На неизвестную другую, мятую

и брошенную рядом, в пыли, стреляющую заголовком «Тут сердце России»... Тут и «Красный воин» с заголовком на развороте «Отчего же мы одиноки»...

А рядом застыл дом второй. Отражением зеркальным... Оба окнами, смотрящими, уповающими на храм...

Храм...

Проснулись дети.

Высыпали горохом во двор.

Отец Константин с сыном уже полили грядки. Женская половина хлопочет по праздничному столу. Один Пашка занят серьёзной работой. Наиважнейшей. Поднимает камушек с дорожки. Несёт к большой железной бочке с дождевой водой, стоящей у входа в дом. Бросает туда камушек. И, услышав бульканье, увидев брызги, радостно кричит, вскидывая в стороны руки. Нет важней для него ничего...

На велосипеде приехал старший сын отца Константина – Леонтий. Во дворе младший, Володя, перед домом уже причёсывает граблями лужайку с футбольными воротами.

Храм...

Встретил в лицо давним покоем.

Ни золота, ни бриллиантов.

Батюшка о чём-то тихо беседует с крёстными родителями.

Тихо. Так тихо, что слышно радостную переключку птиц за стенами.

Немного прохладно. Батарей на стенах современные, но тепло идёт не от них, а от огромной, с торчащими в растопыр трубами дачной печи Булерьян. В одном углу алтарь, в другом – церковная лавка с притаившимся за ней котелком отопления. В закутке стенд с краткой историей о церкви и вешалками для одежды. Ковры-дорожки на полу и картина с изображением Христа, написанная кругом на потолке. Лавочка у стены, покрытая красным полотном, и потрёпанные временем и невзгодами стены, прячущиеся за иконами. Зажжённые свечи волнуют древние росписи ликов святых.

Батюшка начинает обряд. Слова молитв, отражаясь от стен, наполняют храм, устремляются ввысь, раздвигая стены, возвышая потолок. Совсем чуть-чуть, и они исчезают. Растворяются в мерном баритоне священных слов... Время останавливается чувством единения со святостью храма и людей в нём, светом... Пашку несут к купели, и церковь пронзает крик новой рождённой жизни. Рождению во Христе. Вот его облачают в белую рубаху. Мажут елеем. Одевают крестик. Все улыбаются, а Пашка серьёзен. Внимательно смотрит за батюшкой, за каждым его движением, крепко сжав в кулачке маленькую машинку. С которой не расстался даже во время обряда.

Праздничный обед.

Мальчишки и девчонки. Вовчик и футбол. Догонялки-хохоталки. Прятки... Из окрестных сёл. Володя – заводила и затейник...

Вот и всё.

Праздник закончился, начались будни.

Дорога.

Домой...

Филино.

Берелево.

Облака.

Собаки, лежащие у дорог.

Провожаящие, изучающие, оценивающие взгляды местных мужиков.

Еремеево.

Кабачарово.

Река Ухтанка.

Самая красивая деревня России – Вятское.

Указатели: налево – «Любим», направо – «Ярославль». «Козлятево» и «Коченятино» – направо.

Нам направо.

Ярославль...

Вот и всё.

Начинается путь домой.

Хотелось на поезде, но билетов не оказалось совсем.

Грустно. Говорим «До свидания!» крёстным родителям Павла. Кланяемся в пояс отцу Константину. Обнимаемся, целуемся, до встречи...

За спиной остаются просторы земли русской. Нежность обрётённой свободы. Уже в мыслях и душах мелькают за стеклом машины указатели обратной дороги. От истоков к безбрежному морю...

Дорожаево.

Смена.

Борисково.

Городищи.

Пажица.

Чурилково.

Щучий двор. Народная академия ухи.

Троице-Сергиев Варницкий монастырь. Родина преподобного Сергия Радонежского.

Рыбный уголок. Раки. Рыба. Сало. Вяленый гусь. Хамон. Тушёнка. Домашний квас. Струя бобра.

Соленья. Веники. Уголь. Домашняя рыбная тушёнка. Щучья икра.

Львы.

Струя бобра. Грибы. Сало. Рыба. Барсучий жир. Шкуры. Чучела. Шашлык на углях.

Рыба. Копченые. Варенье. Соленья. Яйцо. Зелёный горошек.

Зерно. Грибы. Колбаса. Щучья икра. Раки. Рыба. Сало. Вяленый гусь. Хамон. Тушёнка.

Деболовское.

Река Сара.

Любимкино.

Дертники.

Кулаково. Кафе «Сытый ёжик».

Тараскино.

Сыроварня, гриль-кафе.

Плакат «Скосим всё».

Переславль-Залесский. Улица Кошкина. Улица Кузнечная. Переулок Призывной.

Ботик Петра Первого.

Трактир.

Попов луг.

Надгорье.

Дендросад.

Музей-заповедник. Музей Александра Невского.

Выползова Слободка.

Река Сабля.

Граница Ярославской области.

Владимирская область.

«Москва» – налево, «Правда» и «Тишково» – направо.

«Бауцентр» – наш, Калининградский, а тут.

Королёв. Ракета. Москва.

Впереди брат, ВДНХ, Красная площадь, храм Христа Спасителя, «Троица» Рублёва, аэропорт, самолёт, облака, дождь и дом...

Еду, едем домой...

А ведь багюшка слукавил. За богатство и кадиллаки. Нашёл я их. Нашёл и не поделился с ним. Не поделился, потому что есть это всё у него и тех, кто с ним. Его богатство – это люди, это вера, это храм, в котором он молится и ведёт проповеди. И не важно ему, сколько пришло людей – один или сто. Он говорит с Богом. Он говорит Богу...

Еду и думаю... думаю... думаю... О Вере, пути, единстве, церкви, храме... О том, что нашёл свой храм... В поле тысячи голосов земли русской, с ветром, наполняющим и гонящим паруса облаков, окружённым безбрежным манящим холодом мигающих падающих звёзд. Небесный храм с парящими крестами, деревянный сруб с русской печью и лазоревыми ландышами на стене, стелящийся призывный вековой звон колокола, сбивающие дыхание простор и величие России...